

Історія України

ББК 63.442.6-41(4Укр)

ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ НОЖАМИ

В. О. Забавин

АННОТАЦИЯ

Изделия из металла являются одной из наиболее изученных категорий археологических источников. Учитывая металлоемкость, немногочисленность и особую важность в процессе хронологических построений данного вида погребального инвентаря, в статье рассмотрены бронзовые ножи, найденные на территории Северного Приазовья в захоронениях срубной культуры.

Ключевые слова: Северное Приазовье, позднебронзовый век, срубная культура.

Металлургия и металлообработка эпохи раннего металла являются важнейшими стимулами прогресса первобытного общества. Освоение металла не только определило различные способы изготовления предметов новых типов, но с течением времени имело огромное значение в изменении всей материально-технической базы производственной деятельности носителей культур эпохи бронзы. Поэтому исследовательский интерес к вопросам развития металлопроизводства не ослабевает со временем, а в связи с появлением новых возможностей технологических исследований археологических объектов в настоящее время только возрастает. Изделия из металла являются одной из наиболее изученных категорий археологических источников, находкам, типологии и хронологии которых посвящена достаточно обширная литература. История изучения металлопроизводства срубной общности позднебронзового века охватывает полтора столетия. В качестве объектов изучения выступали, прежде всего, металлические изделия, различные категории орудий труда, а также свидетельства добычи руды – древние рудники. В процессе развития знаний о металлопроизводстве изучение данных объектов было неравномерным, что определялось как характером их накопления, методическим арсеналом науки, а также самой постановкой познавательных задач археологии [1].

Начиная с В. А. Городцова, многими последующими исследователями неоднократно ставился вопрос об уровне развития металлургии и металлообработки у «срубных» племен, при этом делались попытки анализа и обобщения имеющихся материалов. Металлические изделия традиционно привлекали преимущественное внимание исследователей, по сравнению с оценкой их производства. Долгое время исследовательский интерес был направлен исключительно на изучение металлических изделий, а также наиболее массовой и выразительной категории приспособлений – литейных форм. Эта тенденция сегодня уже не является определяющей, однако, сохраняется стабильный интерес к характеристике наиболее металлоемких категорий орудий различных функциональных групп и других изделий из металла, при этом в исследованиях последних десятилетий самое пристальное внимание уделяется вопросам типологии и хронологии.

Обращает на себя внимание публикация Ю. В. Луньковой, посвященная погребальным комплексам срубной общности Волго-Донского междуречья с металлическими ножами [2]. Пристальное внимание этой наиболее информативной категории

погребального інвентаря для рішення питань відносної і абсолютної хронології неизменно уделяється і в роботах Р. А. Литвиненко [3]. Особо следует отметить исследование В. В. Отрощенко, посвященное определению временных и культурных особенностей использования металла в погребальных ритуалах срубной общности. Исследователем погребальные комплексы были проанализированы отдельно, в рамках выделенных им ранее двух культур срубной общности – бережновско-маевской и покровско-мосоловской. В результате проделанной масштабной работы автор пришел к наиболее общим выводам, согласно которым в погребальных ритуалах срубной общности высокий уровень металлопроизводства и горного дела не отражен и, что базовыми источниками для изучения данной сферы являются не захоронения специалистов, а материалы поселений, горно-металлургических центров, комплексов литейных форм и кладов [4].

Тем не менее, анализ источников, имеющихся в нашем распоряжении, показывает, что материалы могильников могут дать существенную информацию об уровне развития металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы. Несмотря на то, что ассортимент бронзовых изделий в эпоху поздней бронзы достаточно обширен, на поселениях и в погребениях срубной культуры исследуемого региона это относительно редкая категория находок. Так, к настоящему времени фонд источников срубной культуры Северного Приазовья насчитывает около 1500 погребений, при этом бронзовые предметы были встречены только в 44 погребальных комплексах, что составляет около 2,9 % общего числа учтенных захоронений.

О насыщенности металлом срубных захоронений на смежных территориях могут свидетельствовать следующие цифры. Удельный вес погребений с металлом в Среднем Поволжье и Среднем Подонье составляет 13 %, в бассейне Северского Донца – 7,8 %, в Орельско-Самарском междуречье – 5,5 %, Нижнем Поднепровье – 2,2 % [5]. Для покровских памятников Северского Донца этот показатель оказался еще выше – 19 % [6]. В Нижнем Подонье бронзовые изделия были встречены в 6,4 % погребений [7]. Близкие показатели были получены для лесостепного региона восточной Украины (6 % погребений) [8], в Крыму этот показатель составил 4,6 % [9], в междуречье Днепра и Молочной – 3,5 % [10]. Таким образом, южная лесостепная зона, а также более северные районы пограничья степи и лесостепи по насыщенности бронзовыми изделиями погребений дают более высокие показатели. При этом сам факт присутствия металлических изделий в погребальном инвентаре срубных захоронений рядом авторов рассматривается в качестве признака социальной неординарности [11].

Тенденцию к снижению удельного веса погребений с металлом при продвижении на юг в степные районы может наглядно продемонстрировать картографирование приазовских срубных могильников (Рис. 1). Так, подавляющее большинство захоронений с металлом оказались сосредоточенными на территории южных отрогов Донецкого Кряжа, в верховьях рек бассейна Азовского моря, в то время как могильники собственно Приазовья (Приазовские низменность и возвышенность) насыщены изделиями из бронзы в значительно меньшей степени. Приазовские поселения также дают незначительные свидетельства металлообрабатывающего производства. Примечательно, что все эти случаи связываются с поздними, «саба-тиновскими» или «белозерскими» этапами срубной культуры и представлены тальковыми литейными формами для производства изделий западного облика [12]. Подобная ситуация отмечается и для поселенческих памятников Северского Донца, где также изредка встречаются тальковые литейные формы, которые связываются с т. н. «поздневаликовыми» срубными комплексами [13].

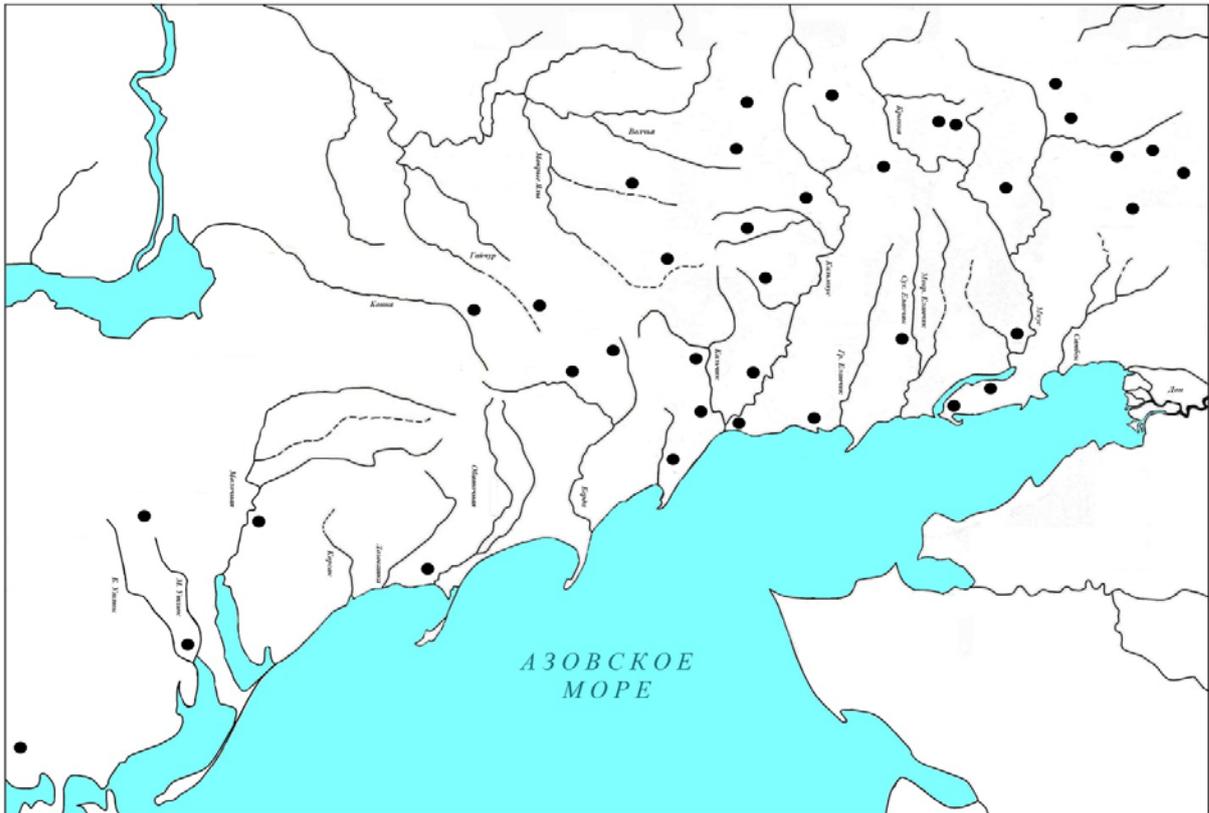

Рис. 1. Карта распространения погребений, содержащих изделия из металла

Особенно наглядно тенденцию к снижению удельного веса погребений с металлом при продвижении на юг демонстрирует картография комплексов с такой категорией металлического инвентаря, как бронзовые ножи (Рис. 2). Из 11 известных в Северном Приазовье захоронений с ножами 9 локализируются на Кряже и лишь 2 – на территории Приазовской возвышенности. При этом, по замечанию Р. А. Литвиненко, Приазовская низменность, несмотря на значительную насыщенность раскопанными курганными могильниками, вообще не дает погребений с ножами [14], хотя они известны уже при незначительном продвижении на запад от интересующего нас ареала в Нижнем Поднепровье [15].

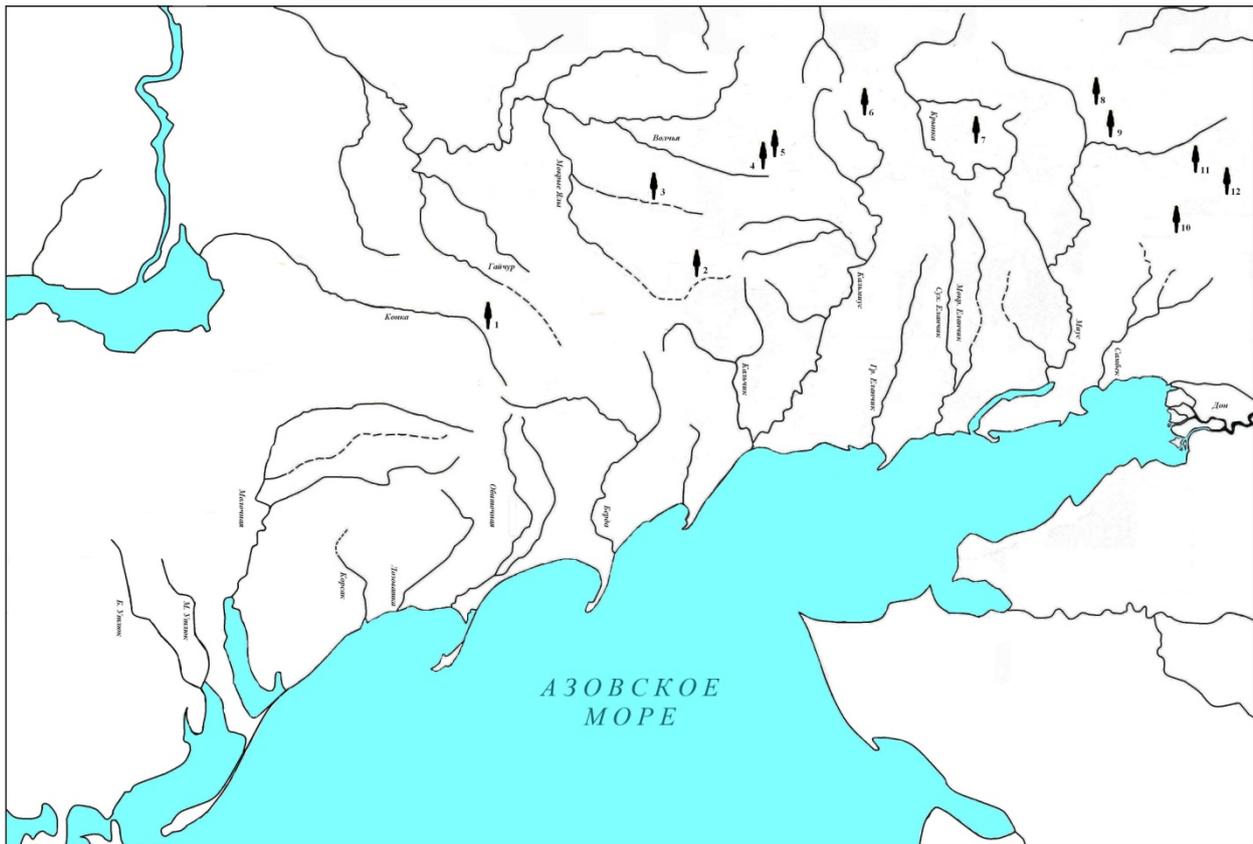

Рис. 2. Карта розповсюдження погребень з ножами: 1 – Басань, 2 – Ивановка, 3 – Угледар, 4 – Текстильщик (Донецк), 5 – Гладковка, 6 – Ханженково, 7 – Шахтерск, 8 – Дубовський, 9 – Калиново, 10 – Клунниково, 11 – Благовка, 12 – Астахово.

Показательна частота зустрічальності такого порівняльно металоемкого і рідкого для погребень срубної культури Північного Приазов'я изделия як ніж. В своє время Р. А. Литвиненко приводилась статистика, згідно якої частота погребень з ножами в срубних приазовських могильниках складає 0,5 % [16]. В другій роботі того ж автора містяться дані, згідно яким бронзовий ніж містили тільки 0,75 % срубних погребень [17]. І, нарешті, на сьогоднішній день удільний вага таких захоронень в Північному Приазов'ї (з урахуванням Криму) знизилась до 0,45 % [18]. Для власне приазовських могильників за нашими уточненими даними ці показники ще нижче – 0,19 %.

Для порівняння приведемо статистику погребень з бронзовими ножами (удільний вага) для сусідніх територій: Середнє Подон'я – 4,6 %, басейн Північного Дону – 3,3 %, Орельсько-Самарське міжуріччя – 3 %, Нижнє Подніпров'я – 2,2 %, Нижнє Подон'я – 0,2 % [19]; Крим – 3,5 % [20]; лесостепна зона Волго-Донського міжуріччя – 2,7 % [21]. Удільний вага погребень з ножами по областях, що входять в склад Дніпровсько-Донецького регіону, приводить в своїй роботі і В. В. Цимиданов: Полтавська, Сумська і Харківська обл. – 4,2 %; Луганська обл. – 3,5 %; Херсонська і Николаєвська обл. – 2,8 %; Крим – 1,9 %; Дніпропетровська і Кіровоградська обл. – 1,4 %; Донецька обл. – 1,4 %; Запорізька обл. – 0,8 %. При цьому удільний вага погребень з ножами в цілому по регіону склав 1,8 % [22].

Ураховуючи металоемкість, нечисленність і особу важливість в процесі хронологічних побудов даного виду погребального інвентаря, розглянемо ножи, знайдені на території Північного Приазов'я, більш детально. З 11 відомих

в Северном Приазовье бронзовых ножей 9 происходят из исследованных погребений (Астахово 22/8; Ивановка 1/1; Шахтерск (Рясные могилы) 9/1; Басань (Бабакова могила) 3/5; Клунниково 1/4; Калиново 1/2; Донецк (Текстильщик) 2–3/1; Дубовский 1/1; Благовка 2/1), а 2 – из разрушенных курганов (Ханжонково, Угледар к.1). Кроме того, имеется отрывочная информация о ноже, происходящем из раскопок В.М. Евсеева в 1951 г. у п. Гладковка (ныне Киевский р-н г. Донецка). Здесь в погребении, совершенном в каменном ящике, находился скелет взрослого мужчины, головой на восток. В ногах умершего стоял сосуд, перед костяком лежали кости животных, зерна проса. В правой руке – бронзовый нож [23].

В пяти случаях погребения с ножами были основными в курганах. Типологически ножи из погребений Северного Приазовья делятся на три группы: с ромбическим перекрестьем (7 экз.) – типы Н-28, Н-30, Н-32 по Е. Н. Черных; листовидные без перекрестья (2 экз.) – типы Н-8, Н-10 по Е. Н. Черных [24]; с массивным клинком с ребром и прокованным перекрестием (2 экз.). В классификации Е. Н. Черных последняя разновидность в особый тип не выделена.

Достаточно большое количество экземпляров, исследованных в бассейне Северского Донца, наличие случаев стратиграфии между комплексами с ножами, а также привлечение разнообразной относительной хронологии курганных памятников, позволило создать устойчивую типологическую модель развития ножей. Зрительно наблюдаемые различия в форме и пропорциях ножей были выражены в количественных (цифровых) величинах, которые легко поддаются сравнению. Наиболее четко типологическое различие было определено путем последовательного вычисления соотношения выемки и упора с длиной ножа и шириной лезвия. Полученные по всем ножам показатели позволили построить соответствующие корреляционные диаграммы, которые отразили основные метрические изменения ножей с перекрестьем во времени. Общая схема развития ножей отображает эволюцию от экземпляров с неглубокими выемками и едва намеченным перекрестьем к ножам с глубокими выемками, отделяющими четко выраженное ромбическое перекрестье. Наиболее поздние экземпляры характеризуются маленькими плоскими упорами на черенке, иногда имеющими вид едва заметных выступов [25].

Что касается ножей первой группы, то к наиболее ранним ножам срубной культуры Северного Приазовья и Украины в целом, которые сопоставляются с ножами из покровских комплексов, можно отнести два экземпляра [26]. Это ножи из погребения 1 кургана 9 могильника у г. Шахтерска и разрушенного кургана у п. Ханженково [27]. Они имеют слабо выраженные выемки, лишь намечающееся ромбическое перекрестье, змеевидное окончание черешка и соответствующие метрические коэффициенты соотношения длины и ширины клинка, выемки и перекрестья [28].

Согласно разработанной Р. А. Литвиненко периодизации срубных могильников Северо-Восточного Приазовья, ко второму горизонту можно отнести два ножа из разрушенных комплексов, исследованных у г. Донецка (Текстильщик, погребение 1 кургана 2-3) и г. Угледара [29]. Еще три ножа происходят из исследованных погребений: Калиново 1/2, Благовка 2/1, Дубовский [30]. Все ножи относятся к единому типу с ромбическим перекрестием, их объединяют общие морфологические признаки – наибольшее расширение клинка в основании, перекрестье, полностью отделенное глубокими выемками и тонкий черешок, иногда с раскованным расширением на конце. Подобные изделия в своем большинстве характерны для памятников Левобережного Предстепья, Степного Поднепровья [31] и бассейна Северского Донца [32].

Все погребения с ножами этого типа можно уверенно отнести к выделенной В. В. Отрощенко бережновско-маевской срубной культуре (БМСК) [33]. Это подтверждается керамическим набором, присутствующим в погребениях, который

характеризується остриреберною посудой, украшеною типичним трикутно-паркетним орнаментом, виконаним веревкою [34]. Для кераміки цього періода також характерна обробка поверхні мелкозубчатим штампом і орнаментация посуду валиком під краєм венчика (Текстильщик), яка з'являється саме в це час, але поки не отримує широкого поширення [35]. Другим діагностичним маркером може виступати тип погребального споруди – каменний ящик, притаманний саме БМСК (Угледар, Благовка, Дубовський). В цілому вжиток каменних ящиків приходить на розвинутому і пізній етапи існування срубної культури. Існуючі матеріали дозволяють віднести їх до кінця розвинутого – початку пізнього етапу срубної культури Донеччини [36] або до II–III горизонтів могильників Северо-Восточного Приазов'я [37]. Крім того, віднесення до БМСК додатково підтверджує також тип бронзових ножів, який є показовим саме для надчорноморських (бережновсько-маєвських) срубних пам'яток і не властивий покровським срубним Доно-Волго-Уральського регіону [38].

Ножі другої групи (листовидні без перехрест'я) – Астахово 22/8 і Клуниково 1/4 [39] – територіально тяготеють до Донецькому Кряжу. Аналіз погребального інвентаря і обряду дозволив Р. А. Литвиненко в цілому віднести їх до розвинутого – рубежу розвинутого і пізнього етапів срубної культури Донеччини. При цьому частина ножів цієї групи, відомих в Подонцов'є, на основі деяких технологічних особливостей синхронізується з пізніми ножами з перехрест'ям. Це також підтверджується їх спільним знаходженням в одному з северскодонецьких комплексів [40].

Ще два ножа (третья група) – Ивановка 1/1 [41] і Басань 3/5 (Бабакова могила) [42] – відносяться до досить рідкого типу, який характеризується масивним клинком з ребром і найбільшим розширенням у основі, перехрест'ям-упором, сформованим за допомогою проковки бокових граней черенка в місці його переходу в клинок. За думкою А. М. Лескова, ножі подібного типу представляють собою тип, перехідний від срубних ножів з плоским ромбічним перехрест'ям до кинжалів з кільцевим упором. Подібні екземпляри, крім вказаних комплексів, відомі в Лобойковському і Ульяновському кладах, відносимих до раннесабатинівського часу [43]. Це обставина дозволило передбачити, що погребення з вказаним типом ножів можуть датуватися не тільки кінцем II – розвинутого або «предсabatинівського», але і рубежом-початком III – пізнього або «раннесабатинівського» етапу [44].

Примітно, що в одному з погребень, що містять ніж третьої групи (Басань 3/5), був знайдений банківидний посуд з валиком по краю венчика, украшеним пальцевими вдавленнями [45]. В відношенні подібної кераміки відзначалося, що в срубних могильниках спостерігається тенденція збільшення удільного ваги валикової кераміки (налепної або виділеної валик, а також валикообразное утолщение края венчика) при русі в південно-західному і західному напрямках. Це підтверджується наступними даними: на Северському Донці посуд з валиком становить 2,8 % керамічної серії, в Донецькому Приазов'є – 5,5 %, в Степному Подніпров'є – 10,8 % [46]. Таким чином, на основі цих і деяких інших даних можна передбачити, що за своєю формою цей комплекс більше тяготеє до західним (придніпровським), ніж до східним (доно-донецьким) срубним древностям.

Типологія розвитку ножів з перехрест'ям застосовано до пам'яток срубної культури різних регіонів показує, що при русі з сходу на захід (від Волго-Уральського міжуралля до Дніпру) зменшується кількість ранніх типів ножів і відповідно збільшується частка пізніх екземплярів. Очевидно, що така ситуація відображає хронологічне співвідношення срубних древностей різних

ных регионов, в соответствии с которым при движении от Дона к Днепру срубная культура «омолаживается», на что уже неоднократно обращалось внимание исследователей [47].

Было бы целиком логично поставить вопрос и относительно возможности использования металлических ножей, происходящих из приазовских погребений, в качестве кинжалов с соответствующей семиотической нагрузкой на них в погребальном контексте. Во всех случаях в погребениях срубной культуры Северного Приазовья находилось по одному ножу. В погребениях ножи зачастую располагались рядом либо среди остатков мясной напутственной пищи, в одном случае (Клунниково 1/4) зафиксировано нахождение ножа на остатках эллипсоидного в плане деревянного блюда-подноса вместе с костями животного. Очевидно, подобная семантика ножа для резания мяса и в тех погребениях, где не было зафиксировано остатков мясной пищи [48]. В поисках ответа на этот вопрос стоит обратить внимание на замечание, сделанное Р. А. Литвиненко в отношении некоторых метрических и морфологических характеристик ножей, происходящих из бабинских комплексов. Отмечается, что большинство металлических ножей из бабинских погребений, имея общую длину 8-11 см и еще меньшую длину клинка (4–7 см), практически никак не могли использоваться в качестве оружия [49]. Считать подобные изделия боевым оружием не позволяет также тонкий клинок или отсутствие усиливающей нервюры, что привело бы при колющих ударах к деформации клинка и расслоению металла в нем. Форма черешка и отсутствие упора также могут свидетельствовать не в пользу использования ножей как боевого оружия [50].

Эти факты в очередной раз отвергают атрибуцию погребальных бронзовых ножей в срубной культуре в качестве оружия [51] и не позволяют согласиться с трактовкой ножа, как предмета вооружения, предложенной некоторыми исследователями [52]. В то же время отмечается, что нож, с одной стороны, может выступать в качестве орудия труда, с другой – использоваться как оружие ближнего боя [53]. Кинжал, в первую очередь, предназначен для нанесения колющих ударов, при этом даже большинством современных кинжалов можно резать как хозяйственным ножом. Для нанесения колющего удара кинжалы обычно имеют зауженный книзу клинок, а его широкая треугольная форма компенсирует мягкость металла [54]. Таким образом, следует признать полифункциональность ножа с соответствующей семиотической нагрузкой на него в погребальном контексте.

Уже сам факт наличия бронзового ножа в инвентарном комплексе, учитывая значительную редкость подобных находок, может в некоторой степени говорить о неординарности тех комплексов, из которых они происходят, что позволяет ставить вопрос об особом социальном статусе или ранге погребенных в них индивидов. Рассматривая социальную структуру срубного общества, В. В. Цимиданов отмечает, что ножи встречаются в захоронениях представителей различных социальных групп и во всех случаях все погребения сводки, содержавшие ножи, были могилами взрослых. Нож, скорее всего, маркировал повышенный ранг и не являлся знаком статуса [55]. Корреляция половозрастных определений с категориями погребального обряда и инвентаря позволила Р. А. Литвиненко выделить характерные признаки детских и взрослых захоронений, а среди последних – мужских и женских. Присутствие в могиле бронзового ножа было отнесено к числу чистых признаков, характерных для мужских захоронений, впрочем, как и наличие деревянного блюда [56]. Ю. А. Иванов и Ю. И. Колев предложили трактовать бронзовый нож в комплексе с костями животного в погребении в качестве жреческого атрибута, который являлся инструментом для жертвоприношений [57]. При этом большинство исследователей единодушны во мнении, что наличие в погребальном инвентаре бронзового ножа (кинжала) может

рассматриваться в качестве критерия выделения неординарных срубных погребений либо свидетельствовать о социальной значимости захороненного индивида [58]. Учитывая вышеприведенные факты, можно предположить, что металлический нож в погребальном обряде срубной культуры Северного Приазовья не отображал какой-либо особый статус погребенного, а выступал в качестве признака повышенного социального ранга.

Для определения абсолютной хронологии могильников срубной общности исследователями традиционно привлекались комплексы, содержащие бронзовые ножи. Так, Я. П. Гершкович в отношении ножей с листовидным лезвием с наибольшим расширением в основании лезвия, отделенного от черенка перехватом, происходящих из раскопок на Донецком Кряже (междуречье р. Лозовой и р. Ольховой), отмечает, что подобные изделия характерны для срубного очага металлообработки. Далее приводятся ближайшие аналогии глиняных литейных форм для их изготовления, которые были встречены на срубных поселениях Подонцовья и Подонья [59]. Литейная форма с негативом подобного ножа была найдена в жилище 11 на поселении Усово Озеро. Для этого жилища была получена дата по С14 – 1270+/-50 гг. до н. э. [60]. Литейные формы с негативами подобных ножей были найдены и на Мосоловском поселении. Анализ дерева из основания и заполнения котлована одного из жилищ здесь дал две даты – 1530+/-40 и 1370+/-40 гг. до н. э. [61]. В целом, Я. П. Гершкович, с учетом этих дат, возраст подобных ножей определяет в рамках конца XVI–начала XV – конца XIV–начала XIII вв. до н. э. [62].

Вслед за Н. Н. Чердниченко и рядом других исследователей [63] Р. А. Литвиненко для установления абсолютной хронологии срубных древностей Северского Донца обратил внимание на западные, дунайские параллели. Хронологические рамки развитого этапа срубной культуры Северского Донца Р. А. Литвиненко, основываясь на времени бытования ножей с плоским упором и приведя соответствующие параллели, определяет XV–началом XIV вв. до н. э. и в целом соотносит с позднелладскими древностями и центральноевропейским периодом ВВ₂ по Рейнеке [64].

Как отмечает Д. П. Куштан, на территорию Среднего Поднепровья, в начале развитого этапа поздней бронзы (БМСК-I) продолжают поступать изделия доно-волгоуральского очага металлообработки покровско-мосоловской срубной культуры. С этапа БМСК-II на территории региона начинает активно действовать собственный лобойковский очаг металлообработки, охвативший Среднее Поднепровье и Подонцовье, сырьевой базой которого служили медистые песчаники Донбасса. Кроме того, на территории региона фиксируются находки металлических изделий других очагов постсейменского горизонта Евразийской металлургической провинции: ингуло-красномаяцкого (Северное Причерноморье), дербеденовского (Волго-Камье) и андроновского (Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан, Алтай). Памятники начала срубно-сабашиновского времени (БМСК-I) автор синхронизирует с горизонтом центрально-европейских кладов Kosziderpadlás (период VzB2-VzC1, по Рейнеке), а развитого этапа поздней бронзы (БМСК-II) – Órályi-Uriu-Domănești (период VzC2-VzD, по Рейнеке). Используя сравнительно-типологический и другие естественнонаучные методы, автор разработал хронологию основных этапов региона Центральной Украины (Среднее Поднепровье) в эпоху поздней бронзы. Учитывая, что на сегодня наблюдается несогласованность традиционных дат памятников поздней бронзы и калиброванных радиоуглеродных, автором приводятся оба варианта. Таким образом, хронологические рамки срубно-сабашиновского этапа определяются XV–XIII вв. до н. э., что по новым калиброванным радиоуглеродным датам соответствует 1700–1300 гг. до н. э. В рамках самого срубно-сабашиновского времени выделяется два этапа: БМСК-I (XV – сер. XIV вв. до н. э.) – 1700–1500 гг. до н. э. и БМСК-II (сер. XIV –

XIII вв. до н. э.) – 1500–1300 гг. до н. э. [65]. Полученные даты не противоречат времени функционирования Донецкого ГМЦ на протяжении двух периодов БМСК (XV–XIII вв. до н. э.) [66], учитывая то обстоятельство, что население этой культуры преимущественно потребляло продукцию Донецкого ГМЦ [67].

Картографирование срубных могильников Северного Приазовья, содержащих изделия из металла (особенно ножи), наглядно продемонстрировало тенденцию к снижению удельного веса погребений с металлом при продвижении на юг в Приазовье. Так, подавляющее большинство захоронений с металлом оказались сосредоточенными на территории южных отрогов Донецкого Кряжа, в верховьях рек северного бассейна Азовского моря, в то время как могильники собственно Приазовья (Приазовские низменность и возвышенность) насыщены изделиями из бронзы в значительно меньшей степени. При этом сам факт присутствия металлических изделий в погребальном инвентаре срубных захоронений применительно к исследуемой территории может рассматриваться в качестве признака социальной неординарности.

Наши наблюдения полностью подтверждают высказанное ранее Р. А. Литвиненко предположение о том, что срубное население Приазовья в своей повседневности ощущало определенный дефицит металла, в отличие от срубных популяций Донецкого кряжа, которые имели доступ к местным медистым песчаникам. Именно на меднорудных залежах Донецкого кряжа в эпоху поздней бронзы функционировал горно-металлургический центр, связанный с деятельностью местных срубных популяций. Очевидно, срубное население Приазовья не входило в число тех, кто контролировал это месторождение и, поэтому было отстраненным или ограниченным в возможностях металлопроизводства на этой сырьевой базе [68].

Таким образом, анализ источников, имеющихся в нашем распоряжении, показывает, что материалы могильников могут дать существенную информацию об уровне развития металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы. Введение в научный оборот свидетельств металлопроизводства срубной общности в целом и срубной культуры Северного Приазовья в частности в значительной степени пополняет банк источников, что важно для структурно-технологического подхода в осмыслении металлопроизводства как системы.

РЕЗЮМЕ

Вироби з металу є однією з найбільш вивчених категорій археологічних джерел. Враховуючи металоємність, нечисленність і особливу важливість у процесі хронологічних побудов даного виду поховального інвентарю, в статті розглянуті бронзові ножі, знайдені на території Північного Приазов'я в похованнях зрубної культури. Незважаючи на те, що асортимент бронзових виробів в епоху пізньої бронзи був досить широкий, на поселеннях і в похованнях зрубної культури досліджуваного регіону це відносно рідкісна категорія знахідок. Так, у теперішній час фонд джерел зрубної культури Північного Приазов'я налічує близько 1500 поховань, при цьому бронзові предмети були зустрінуті тільки в 44 поховальних комплексах, що становить близько 2,9 % від загального числа облікованих поховань. Картографування зрубних могильників Північного Приазов'я, що містять вироби з металу, наочно продемонструвало тенденцію до зниження питомої ваги поховань з металом при просуванні на південь до узбережжя Азовського моря. При цьому сам факт присутності металевих виробів у поховальному реманенті зрубних поховань стосовно до досліджуваної території може розглядатися як ознака соціальної неординарності. Комплекси, що містять бронзові ножі, залучаються для визначення абсолютної та відносної хронології могильників зрубної спільності. Аналіз джерел, наявних у нашому розпорядженні, показує, що матеріали могильників можуть дати істотну інформацію про рівень

розвитку металообробного виробництва в епоху пізньої бронзи. Запровадження в науковий обіг свідочтв металовиробництва зрубної спільності в цілому і зрубної культури Північного Приазов'я, зокрема в значній мірі поповнює банк джерел, що важливо для структурно-технологічного підходу в осмисленні металообробного виробництва як системи.

Ключові слова: Північне Приазов'я, доба пізньої бронзи, зрубна культура.

SUMMARY

The article considers the bronze knives that have been found in the territory of Northern Azov in the burials of Timber-grave culture. Metal production is one of the most studied categories of archaeological sources. The paper draws attention to the scarcity and the special importance of this type of funeral inventory in the process of historical constructions. Despite the fact that the range of bronze wares in the Late Bronze Age is wide enough, for settlements and burials of Timber-grave culture of this region is a relatively rare category of finds. Are currently the fund of sources of Timber-grave culture of Northern Azov includes about 1,500 burials. It should be noted that the bronze objects were found only in the 44 burial complexes, which is about 2,9 % of the total number of taken into account graves. Mapping of the Timber-grave culture burials of Northern Azov containing the metal products, clearly demonstrated a tendency to decrease the proportion of burials with metal in moving to the south to the Sea of Azov. In this case, the fact of the presence of metal products in the funeral inventory of the Timber-grave culture burial sites in relation to the territory of Northern Azov can be considered as a sign of social unordinary. Complexes, containing the bronze knives, were used to determine the absolute chronology of burials of Timber-grave culture community. Analysis of the sources available to us, indicates that materials of burials can provide important information about the level of production of metal in the Late Bronze Age. Introduction to the scientific turn of evidence metal production of Timber-grave culture community as a whole and Timber-grave culture of Northern Azov in particular greatly complements the fund of sources. It is important for the structural and technological approach in understanding metal production as a system.

Keywords: Late Bronze Age, Timber-grave culture, Northern Azov.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Загородняя О. Н. История изучения металлопроизводственного инструментария срубной общности / О. Н. Загородняя // Донецкий археологический сборник. – 2013. – № 17. – С. 80.
2. Лунькова Ю. В. Погребения с ножами срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья / Ю. В. Лунькова // Проблемы археологии Евразии : К 80-летию Н. Я. Мерперта. – М., 2002. – С. 181–188.
3. Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников) : дис. ... канд. ист. наук / Литвиненко Роман Александрович. – К., 1994. – НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 750. – С. 135–138, 158, 161–163; Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р. А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4–23; Литвиненко Р. О. Курган бронзового віку поблизу м. Вугледар на Донеччині (верхів'я р. Кашлагач басейну Дніпра) / Р. О. Литвиненко, В. П. Андрієнко // Археологический альманах. – № 30. – Донецк, 2013. – С. 140–171.
4. Отрощенко В. В. Культурні та часові особливості використання металу в поховальних ритуалах зрубної спільності / В. В. Отрощенко // Проблеми гірничої

- археології : Матеріали VI-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. – Алчевськ, 2007. – С. 49.
5. Литвиненко Р. А. Памятники Северского Донца в системе Доно-Донецкой производственной зоны эпохи поздней бронзы / Р. А. Литвиненко // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж, 1996. – С. 19.
 6. Литвиненко Р. А. Памятники покровского типа на Северском Донце / Р. А. Литвиненко // Археологические вести. – СПб., 1995. – № 4. – С. 75.
 7. Шарафутдинова Э. С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья / Э. С. Шарафутдинова // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 153.
 8. Берестнев С. И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С. И. Берестнев. – Харьков : ПФ Амет, 2001. – С. 93.
 9. Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы / Г. Н. Тощев. – Запорожье : ЗНУ, 2007. – С. 303, таб. XV.
 10. Салий Н. Г. Могильники срубной культуры в междуречье Днепра и Молочной (по материалам Запорожской экспедиции) / Н. Г. Салий // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К. : Наукова думка, 1987. – С. 93.
 11. Отрощенко В. В. О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья / В. В. Отрощенко // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк, 1979. – С. 86; Ковалева И. Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке / И. Ф. Ковалева. – Днепропетровск : Изд-во Днепропетровского университета, 1981. – С. 66; Мамонтов В. И. Об инсигниях власти в погребениях эпохи поздней бронзы из районов Поволжья и Дона / В. И. Мамонтов // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград, 1996. – С. 61 и др.
 12. Горбов В. Н. Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валиковой керамики / В. Н. Горбов // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. – СПб, 1993. – С. 90–93.
 13. Литвиненко Р. А. Памятники Северского Донца в системе Доно-Донецкой производственной зоны эпохи поздней бронзы. – С. 19.
 14. Литвиненко Р. О. Литвиненко Р. О. Курган бронзового віку поблизу м. Вугледар на Донеччині (верхів'я р. Кашлагач басейну Дніпра). – С. 163.
 15. Кубышев И. А. Исследования Херсонской экспедиции / И. А. Кубышев // АО. – 1986. – М., 1988. – С. 299–301.
 16. Литвиненко Р. А. Памятники Северского Донца в системе Доно-Донецкой производственной зоны эпохи поздней бронзы. – С. 19.
 17. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. – С. 15–17.
 18. Литвиненко Р. О. Курган бронзового віку поблизу м. Вугледар на Донеччині (верхів'я р. Кашлагач басейну Дніпра). – С. 162.
 19. Литвиненко Р. А. Памятники Северского Донца в системе Доно-Донецкой производственной зоны эпохи поздней бронзы. – С. 19.
 20. Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. – С. 303, таб. XV.
 21. Лунькова Ю. В. Погребения с ножами срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья. – С. 183.
 22. Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества / В. В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – С. 123, табл. 24.

23. Усачук А. Н. Раскопки Н. Е. Макаренко и В. М. Евсеева на территории Донецка / А. Н. Усачук // ДАС. – Донецк, 1993. – № 3. – С. 51.
24. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР / Е. Н. Черных. – М. : Наука, 1976. – Табл. XXXIV, XXXV.
25. Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников). – С. 137–138, рис. 84.
26. Литвиненко Р. А. Памятники покровского типа на Северском Донце. – С.75-76.
27. Горбов В. Н. Бронзовый нож листовидной формы с выделенным перекрестьем, плоским черешком, ребром в средней части клинка. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области / В. Н. Горбов // Археологический альманах. – Вып.1. – Донецк, 1993. – С. 39, рис. 48,3; Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. – Рис. 8,6; 11,1.
28. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. – С. 14.
29. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. – Рис. 11,2,4; Литвиненко Р. О. Литвиненко Р. О. Курган бронзового віку поблизу м. Вугледар на Донеччині (верхів'я р. Кашлагач басейну Дніпра). – Рис. 6.
30. Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников). – Рис. 38,8; 40,9; 43,11.
31. Ковалева И. Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. – Рис. 11; Отрощенко В. В. Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): дис. ... канд. ист. Наук / Отрощенко Віталій Васильович. – К., 1981.– НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 1. – № 598. – Рис. 37, 1–7; Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. – С. 15.
32. Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников). – С.152–153, рис. 84.
33. Отрощенко В. В. О культурах срубной общности / В. В. Отрощенко // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Европейской степи и лесостепи. – Воронеж, 2000. – С. 10–14; Отрощенко В. В. К истории племен срубной общности / В. В. Отрощенко // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 17 : Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2003. – С. 68–96 и др.
34. Литвиненко Р. О. Литвиненко Р. О. Курган бронзового віку поблизу м. Вугледар на Донеччині (верхів'я р. Кашлагач басейну Дніпра). – С. 162.
35. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. – С. 15.
36. Литвиненко Р. А. Погребальные сооружения срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья / Р. А. Литвиненко // ДАС. – Вып. 1. – Донецк, 1992. – С. 42.
37. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. – С. 19.
38. Бочкарев В. С. Лобойковско-дербеденевский этап эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы (по данным металлических изделий) : доклад на Междунар. конф. по проблемам хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы (Днепропетровск, 27 апреля 1994 г.); Литвиненко Р. О. Курган бронзового віку поблизу м. Вугледар. – С. 162.

39. Евдокимов Г. Л. Погребения эпохи поздней бронзы Астаховского могильника / Г. Л. Евдокимов. – К., 1992. – Рис. 26,4; Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников). – Рис. 44,8.
40. Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников). – С. 138.
41. Клименко В. Ф. Курганы юга Донетчины / В. Ф. Клименко. – Енакиево, 1998. – Рис. 56,3.
42. Плешивенко А. Г. Могильник кургана «Бабакова Могила» из Северного Приазовья / А. Г. Плешивенко // ДСПК. – № 4. – Запорожье : Запоріжжя, 1993. – Табл. VII,3.
43. Leskov A. M. Jung und Spätbronzezeitliche Depotfunde im nordlichen Schwarzmeergebiet / A. M. Leskov // Prahistorische bronzefunde. – Munchen, 1981. – s. 8–11, 15, 90–91.
44. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. – С. 17.
45. Плешивенко А. Г. Могильник кургана «Бабакова Могила» из Северного Приазовья. – Табл. VII,4.
46. Литвиненко Р. А. К истории исследования курганных могильников в окрестностях каменных могил / Р. А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С.100.
47. Шарафутдинова Э. С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья. – С. 167; Бочкарев В. С. Лобойковско-дербеденевский этап эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы (по данным металлических изделий); Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников). – С. 167.
48. Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества / В. В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – С. 53.
49. Литвиненко Р. О. Похоронения культурного кола Бабине з металевими ножами / Р. О. Литвиненко // ДАС. – Вып. 12. – Донецк, 2006. – С. 48.
50. Гошко Т. Ю. Ніж із Володимирівки / Т. Ю. Гошко // Археологія. – 2013. – № 2. – С. 122.
51. Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников). – С. 135.
52. Чередниченко Н. Н. Срубная культура / С. С. Березанская, В. В. Отрощенко, Н. Н. Чередниченко, И. Н. Шарафутдинова. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К. : Наук. Думка, 1986. – С. 61; Малов Н. М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье / Н. М. Малов / Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 1989. – С. 90; Зудина В. Н. Археологические древности Южного Средневожья / В. Н. Зудина. – Самара, 1998. – С. 38; Берестнев С. И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). – С. 142.
53. Лунькова Ю. В. Погребения с ножами срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья. – С. 187.
54. Гошко Т. Ю. Ніж із Володимирівки. – С. 119.
55. Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества. – С. 53.
56. Литвиненко Р. А. Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона / Р. А. Литвиненко // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград : Перемена, 1996. – С. 63.
57. Иванов А. Ю. Зрубний комплекс з роговим «жезлом» із Середнього Заволжя / А. Ю. Иванов, Ю. І. Колев // Археологія. – 1993. – № 1. – С. 99.
58. Ковалева И. Ф. Стратифицированные срубные курганы Приорелья / И. Ф. Ковалева // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. – Днепропетровск,

1981. – С. 81; Чередниченко Н. Н. Срубная культура. – С. 60; Литвиненко Р. А. О социальном членении погребений срубной культуры лесостепи / Р. А. Литвиненко // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992. – С. 140; Цимиданов В. В. Мясная пища в погребениях срубной общности как проявление дифференциации культуры (по материалам Украины) / В. В. Цимиданов // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск : Изд-во ВУГУ, 1996. – С. 202; Лунькова Ю. В. Погребения с ножами срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья. – С. 181 и др.
59. Гершкович Я. П. Курганы в междуречье р. Лозовой и р. Ольховой на Донецком Кряже / Я. П. Гершкович // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск : Изд-во ВУГУ, 1996. – С. 165.
60. Березанская С. С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С. С. Березанская. – К. : Наукова думка, 1990. – С. 107, рис. 15,2.
61. Пряхин А. Д. Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков / А. Д. Пряхин, А.С. Саврасов // Поселения срубной общности. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – Рис. 16,5; Пряхин А. Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы / А. Д. Пряхин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. – С. 91.
62. Гершкович Я. П. Курганы в междуречье р. Лозовой и р. Ольховой на Донецком Кряже. – С. 166.
63. Чередниченко М. М. Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я / М. М. Чередниченко // Археологія. – 1977. – Вип. 22. – С. 12; Ковалева И. Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. – С. 32; Вангородская О. Г. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений / О. Г. Вангородская, Н. В. Бычков // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К. : Наукова думка, 1987. – С. 44.
64. Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца... – С. 167.
65. Куштан Д. П. Периодизация и хронология памятников эпохи поздней бронзы Центральной Украины / Д. П. Куштан // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. – СПб. : «Скифия-принт», 2013. – С. 84, табл. 1.
66. Отрощенко В. В. Культури зрубної спільноти та гірничо-металургійні центри / В. В. Отрощенко // Проблеми гірничої археології (матеріали I-го Картамиського польового археологічного семінару). – Алчевськ : ДГМІ, 2003. – С. 51.
67. Татаринов С. И. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе / С. И. Татаринов // СА. – 1977. – № 4. – С. 192–207; Бровендер Ю. М. Поселення зрубної спільноти в середній течії Сіверського Дінця: Автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.04 «Археологія» / ІА НАНУ. – К., 2001. – С. 13–16.
68. Литвиненко Р. О. Курган бронзового віку поблизу м. Вугледар на Донеччині (верхів'я р. Кашлагач басейну Дніпра). – С. 163.

Надійшла до редакції 12.11.2014 р.